

Уголовно-правовая сущность конфискации имущества

Т. Г. Понятовская, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия

Во всех российских уголовных кодексах (УК РСФСР 1922, 1926, 1960 годов, УК РФ 1996 г. до изменений, внесенных Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ) конфискация имущества предусматривалась как вид наказания, что существенно отличало ее значение от того, которое придается конфискации имущества в уголовном праве ФРГ. В действующей редакции УК РФ конфискация имущества предусматривается в разделе VI, введенном Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ («Иные меры уголовно-правового характера»), что, напротив, обуславливает сходство трактовок конфискации имущества в российском и германском уголовном праве. Однако является ли это сходство существенным?

По смыслу положений главы 7 Уголовного уложения ФРГ (§§ 73, 73d, 74, 74d и др.), в германском уголовном праве конфискация имущества призвана осуществлять восстановительную функцию: лишения исполнителя или участника преступления, а также третьих лиц той выгоды, которую они прямо или косвенно получили от совершения преступления¹. Эта функция отличает конфискацию имущества от мер безопасности (раздел третий, глава 6 УУ ФРГ), нацеленных на предупреждение преступлений, специальную превенцию.

По УК РФ сущность конфискации имущества ближе к мерам безопасности, которые выступают родовым (доктринальным) понятием, объединяющим ее значение с принудительными мерами медицинского характера (глава 15 УК РФ), схожими по содержанию с помещением в психиатрическую клинику (§ 63 УУ ФРГ). Сравнение сущности конфискации имущества с сущностью принудительных мер медицинского характера, законодательное объединение этих различных во всех отношениях мер в рамках одного раздела УК РФ, к сожалению, не разъясняет вопроса о природе рассматриваемой меры. Научная общественность, юристы-практики недоумевают по поводу природы и порядка применения конфискации, и часто проявляют ностальгию по ее прошлому как виду наказания, настаивая на восстановлении ее status quo.

Концепцию конфискации имущества можно строить на различных основаниях. Эту меру можно трактовать как наказание или как меру безопасности (иную меру уголовно-правового характера). При достаточной разработке и качественном юридическом оформлении она может эффективно функционировать в любом из указанных качеств, поскольку определение ее социально-политической функции – вопрос

¹ Научно-практический комментарий и перевод Уголовного уложения ФРГ, 2-е издание, М 2012: Dr. iur., ass. iur. П. В. Головненков, главный научный сотрудник кафедры уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета.

не уголовно-правовой, а политический. По этой причине вряд ли можно поддержать тех авторов, которые выступают под лозунгом: «Верните конфискацию имущества в систему наказаний!», – только потому, что в качестве иной меры уголовно-правового характера ее применение затруднительно.

Н. С. Таганцев отмечал, что среди дополнительных наказаний конфискация имущества имела наибольшее практическое значение. По дореволюционному российскому уголовному праву предусматривалось два ее вида.

Конфискация всего имущества «и в особенности недвижимого, в нашем праве, как и на Западе, была весьма распространена не только в древнейшем удельном периоде и в эпоху Судебников, но и в XVII веке. Формула «изъять все имущество и передать Государю» повторяется и в отдельных указах, и в Уложении 1649 г. Отобрание имущества назначалось и за специально служебные проступки, и за общие. Уложение, например, предписывало это и за разбой, и за взяточничество, и за политические преступления. Конфискация весьма часто употреблялась правительством и в XVIII веке, обыкновенно тогда, когда преступник приговаривался к смертной казни и вечной, а иногда и к срочной ссылке»².

По мере своего развития российское уголовное право стало постепенно ограничивать предмет конфискации. Так, Жалованной грамотой дворянству 1787 г. ограничивалось применение конфискации в отношении законно унаследованного имущества. Впоследствии это положение распространилось и на другие состояния (купеческое, мещанское и земледельческое), но не коснулось ответственности за «участие в бунте против государя и государства», заговор или измену.

В целом конфискацию всего имущества можно охарактеризовать как карательную меру, уголовно-политическая роль которой состояла, если можно так выразиться, в социальном (имущественном) уничтожении преступника. Со временем ее правовая несостоятельность стала общепризнанной, так что после 1871 г. в последующих редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. конфискация всего имущества уже не упоминалась.

Специальная конфискация распространялась на своего рода избранное имущество. Уложением о наказаниях уголовных и исправительных предусматривались *три вида предметов конфискации*. К первому виду относились предметы, изъятые из гражданского оборота. Второй вид предметов конфискации – вещи, предназначенные или служившие орудиями или средствами совершения преступления. Конфискации предметов этого вида придавалось двойное значение. Во-первых, она рассматривалась как превентивная мера (мера безопасности). Другое ее значение связывалось с особым видом имущественного взыскания. Третий вид предметов конфискации – имущество, специально указан-

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. II. Тула, 2001. С. 217.

ное в уголовном законе. Как правило, к нему относилось имущество, добытое преступным путем. Подобная конфискация осуществлялась на основании принципа: «Никто не может обогащаться или доставлять себе выгоды посредством нарушения закона».

Поскольку конфискация предметов второго и третьего видов трактовалась, по существу, как лишение или ограничение имущественных прав, ее применение связывалось с законодательным велением и только в отношении лица, признанного обвинительным приговором суда виновным в совершении преступления.

Таким образом, специальной конфискации имущества по дореволюционному российскому уголовному праву отводилась роль наказания. Его специфика заключалась в том, что помимо кары (имущественное взыскание с виновного есть форма проявления его карательной сути) оно преследовало цель обеспечения безопасности общества путем устранения условий, способствующих совершению преступлений. *Предпочтение специальной конфискации означало, что этой мере придавалась позитивная социально-политическая функция, что, как представляется, являлось прогрессивным шагом на пути развития российского уголовного права.*

По УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 годов в качестве дополнительного наказания предусматривалась *общая конфискация* имущества – *регресс с точки зрения позитивной социально-политической функции уголовного права*. Однако советская уголовная политика строилась на основе качественно иной концепции, согласно которой уголовное право рассматривалось как инструмент социального регулирования в соответствии с интересами власти. Поэтому *возврат к общей конфискации имущества как к карательной мере понятен: при помощи этого инструмента решались вопросы не только социальной изоляции преступника, но перераспределения общественного продукта, а также экспроприации ценностей*. Об этом свидетельствует феноменология конфискаций по УК 1922 и 1926 г. Не был исключением и УК РСФСР 1960 г. По этому УК политическая функция конфискации имущества как уголовно-правового средства экспроприации ценностей, может быть, и отошла на второй план, но две другие задачи решались успешно. Такой механизм уголовно-правового регулирования не предназначен для решения позитивных (созидательных) уголовно-политических задач и приспособить его каким-либо образом к этому невозможно.

Прежде, чем придать конфискации имущества то значение, которое придавалось ей в УК РСФСР, придется ответить на вопрос, в чем состоит причина возврата к уголовной политике России XVII, XVIII, XIX (первой половины) веков и как перераспределение общественного продукта (реальный социально-политический результат общей конфискации) согласуется с задачами уголовного права?

Специальная конфискация – предмет для перспективной уголовно-политической и уголовно-правовой разработки. Как уже отмечалось, она имеет двойственную природу: как имущественное взыскание

конфискация имущества содержит карательный элемент. Однако ее основная социально-политическая функция является предупредительной (в этом и заключается ее позитивное социально-политическое начало). Согласно этой функции, она должна являться, по своей сущности, мерой безопасности. Классики, отмечая двойственную природу конфискации, отвели ей роль наказания, преследующего особые цели. Представляется политически допустимым (может быть, оправданным) сместить акценты в пользу мер безопасности. Законодатель решил этот политический вопрос. Однако теория российского уголовного права по-прежнему возлагает на конфискацию имущества карательные надежды.

Ученые и практики имеют множество обоснованных претензий к положениям главы 15¹ УК (статьям 104¹, 104², 104³), несмотря на их коррекцию в 2008, 2011, 2012 годах сложностей с реальным применением конфискации имущества не уменьшилось. По-прежнему не ясен вопрос, является ее применение правом или обязанностью суда, в том числе по делам о преступлениях, указанных в перечне пункта «а» части 1 ст. 104¹ УК РФ³. Не выдерживает критики и сам перечень. Многие из указанных в нем преступлений не отвечают целям конфискации как меры, направленной на экономическую блокаду такой преступной деятельности, которая является затратной (нуждается в значительном финансировании), имеет организованный и длящийся характер. Эти и многие другие проблемы законодательного оформления и практического применения конфискации имущества могут быть решены только при условии решения вопроса о сущности этой меры.

---

³ В этом перечне указаны преступления, осуждение за которые допускает применение конфискации имущества, полученного в результате указанного в законе преступления или являющегося предметом незаконного перемещения через государственную границу РФ или таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.